

к Цимисхию, приближенному императора, славившемуся, по-видимому, своей красотой (царица заставила мужа «въдати» ему «красоту правую»). Именно рассказ Хронографа, а не тот, о котором говорит С. К. Шамбинаго, возможно, и подсказал автору «Сказания» иное, чем в «Повести», объяснение причины убийства князя. Рассказ этот могла напомнить ему «Повесть о зачале Москвы», от которой отталкивался автор «Сказания» в своем повествовании. Построив на любовной основе рассказ о разыгравшейся в семействе князя Даниила драме, автор «Сказания» окончательно отошел от истории. В «Сказании» при далеко «не историческом» князе еще и Кучковичи оказались не мстителями за смерть отца, объединившимися с злобной княгиней, а любовниками ее (при этом сразу оба!).

Решительно изменив причину конфликта между князем и его женой, автор «Сказания» и самую картину убийства построил вне зависимости от «Повести», введя в свое повествование отголоски каких-то местных преданий об обманщице перевозчике и рассказов о верном псе, невольно отдавшем своего хозяина в руки его врагов. Единственное, что, быть может, связывает это новое изображение убийства даже не с «Повестью», а скорее с ее источником — сказанием «о убиении Андрея Боголюбского», — это постепенное развитие событий: князь убит не сразу; раненый, он скрывается от врагов; убийцы напуганы, ищут князя и добивают его там, где он спрятался.

Однако, даже если автор «Сказания» в какой-то мере и последовал за историческим источником — летописной повестью «о убиении Андрея Боголюбского», излагая рассказ об убийстве князя, в самом изображении картины убийства нет и доли историчности.

Картина убийства в «Сказании» развернута в нескольких красочно описанных эпизодах. Первое столкновение князя с убийцами автор изобразил на охоте, куда Кучковичи пригласили князя — «ехати поля смотрити зайца лову», — с тем чтобы убить его. Но им удалось лишь ранить князя. Далее в повести рассказывается, как, скрывшись от Кучковичей в лесной чаще, князь побежал в направлении реки Оки и, «добежав до перевоза», хотел переправиться на ту сторону. Однако перевозчик проявил коварство: взяв плату с князя в виде перстня, он «отпехнувся в перевозне за Оку-реку и не перевезе его».

Остановившись на этом эпизоде и обратив внимание на то, что «от Суздаля ... до ближайшей излучины Оки километров около ста шестидесяти», С. К. Шамбинаго писал: термин «Ока-река» в повести «явно несообразен»; по-видимому, «сюда притянута ... окская легенда». Таковой С. К. Шамбинаго посчитал легенду о Петре митрополите, ехавшем в Орду и при переправе через реку Оку около Алексина обобранном «перевозниками» (они сняли с него крест, так как у него не оказалось денег, чтобы заплатить им). «Поступок окских перевозчиков с митрополитом легенды и князем новеллы («Сказания», — М. С.), — писал С. К. Шамбинаго, — идентичен по мотиву грубого лихоимства».¹⁰

Возможно, С. К. Шамбинаго и прав, считая, что в эпизоде с перевозчиком «Сказания» следует видеть отражение местной окской легенды; необязательно только, думается, надо связывать его с легендой о митрополите Петре. Однако проводить параллель между «перевозом» «Сказания» и переправой молодца через реку в песне «Добрый молодец и река Смородина» — у С. К. Шамбинаго есть намек на попытку это сделать — было бы неправильным. Не говоря о том, что самые «условия» перевоза в обоих произведениях различны (в песне сама река перевозит молодца),

¹⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 86.